

Ч. Сноу

Возвращения домой

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-11

Ч. Сноу
Ч-11 Возвращения домой / Ч. Сноу – М.: Книга по Требованию, 2016. – 229 с.

ISBN 978-5-458-03960-4

Книгу виднейшего английского писателя, ученого, гуманиста Чарльза Перси Сноу составили два романа: «Пора надежд» и «Возвращения домой», вошедшие в цикл романов, принесший Сноу большую известность. Действие всех романов охватывает более половины нашего столетия – от начала 1910-х годов до конца 1960-х., Сноу своими произведениями создал значительную социально-психологическую эпопею, где в художественной форме дано осмысление своей эпохи и ее людей.

ISBN 978-5-458-03960-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© Ч. Сноу, 2016

Чарльз Перси Сноу
ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ

Часть первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

1. Свет в окне виден с улицы

Угасал солнечный, подернутый дымкой февральский день. Я шел по набережной домой к жене. Река казалась белой под лучами солнца, а струйка дыма над трубой буксира напоминала синий дымок сигареты. На дальнем берегу сквозь туман поблескивали отражения оконных стекол, а внизу, ближе к Челси, куда я направлялся, дым был такой густой, что застилал очертания высоких труб на горизонте.

Был один из вторников тысяча девятьсот тридцать восьмью года. Я, по обыкновению, не был дома с четверга, потому что несколько дней в неделю приходилось проводить в Кембридже. И, как всегда, возвращаясь домой после отсутствия, даже такого короткого, я испытывал смутное чувство тревоги и какую-то внутреннюю настороженность. С тех пор как я себя помню, а в памяти моей всплывают дни самого раннего детства, у меня вечно было тревожно на душе; когда я шел домой, я со страхом думал о том, что меня ожидает.

Впрочем, все это было не очень серьезно – просто одно из тех беспричинных волнений, с какими приходится мириться в жизни, и только. Даже теперь, когда подчас выясняется, что волнение мое не столь уж беспричинно, я не особенно расстраиваюсь – привык. И потому по вторникам, шагая по набережной из Милбэнка домой в Челси, я всегда испытывал беспокойство, но о причине его старался не думать.

И все-таки в тот день, идя по Чейн-уок, я поймал себя на том, что напряженно вглядываюсь вдаль, хотя дома нашего еще не было видно. Наконец я увидел его. Посторонний человек мог бы мне позавидовать – дом казался таким мирным и безмятежным. В окнах гостиной уже горел свет, хотя в соседних домах огней еще не зажигали; занавеси не были задернуты, и с улицы, от которой дом был отделен палисадником, можно было видеть высокие стены с белыми панелями. Будь я посторонним, этот свет в окне над садом показался бы мне символом домашнего уюта и покоя.

Я шагал по дорожке и не знал, какой застану ее.

Ярко освещенный холл сверкал чистотой – типичный холл дома, где живет бездетная пара. Никто меня не окликнул. Я быстро прошел в гостиную. Здесь меня тоже ослепил яркий свет, и в блеске его я увидел мою жену, спокойную, сосредоточенную, целиком поглощенную своим занятием. Она сидела у маленького столика, поодаль от камина, и глядела на шахматную доску. На доске было всего несколько фигур. Это были индийские шахматы, размером гораздо больше обычных, – подчиняясь минутной прихоти, Шейла купила их год назад. Судя по всему, она не разбирала партию, а решала какой-то этюд. Она подняла глаза.

– Ты пришел? Здравствуй! – сказала она. – Ну-ка помоги мне.

Я вздохнул с облегчением и почувствовал себя совершенно счастливым, как это случалось, когда я заставал ее спокойной. На этот раз мой опасения не оправдались. Я сел на стул против нее и, когда она, склонив голову, снова установилась на высокие фигуры, взглянул на ее лоб, нахмуренный не от снедавшей ее

тревоги, как бывало часто, а просто от напряженной работы мысли.

– Никак не соображу, – сказала она и улынулась мне своими большими, полными света серыми глазами.

Ей было тридцать три года, всего на несколько месяцев меньше, чем мне. Но выглядела она гораздо старше. Когда я полюбил ее четырнадцать лет назад, мужчины считали ее красивой. С тех пор лицо ее изменилось, хотя я, наблюдавший его больше всех, вероятно, меньше всех замечал эту перемену.

Морщинки, которые были видны у нее на лбу и под глазами еще тогда, когда она была девушкой, теперь стали глубокими. Красивый, резко очерченный нос заострился, все лицо, отмеченное печатью горестей, стало жестче и менее подвижно. Только огромные глаза оставались прежними: они не разделяли грусти, запечатленной на ее лице, хотя обычно большие глаза бывают печальными, как у лемура. Даже в самые тяжелые Минуты они оставались живыми, пронизательными, спокойными, и тело ее, в отличие от исчерченного морщинами, потухшего лица, было сильным, немного тяжелым телом крупной здоровой и все еще молодой женщины.

Глядя на нее поверх шахматных фигур, я не видел в ней этих перемен, ибо меня заботило только состояние ее духа. Я замечал малейшую перемену в выражении ее лица, но не видел того, что было очевидно для других. Стараясь поддерживать в ней душевное равновесие час за часом, день за днем, я утратил способность замечать, поправляется ли она, или ей становится хуже. Я знал лишь, что нынче вечером она оживлена, не отягчена заботой и что, следовательно, сегодня беспокоиться не о чем. О завтрашнем же дне я не думал.

Я любил ее всю свою молодость, и, хотя несчастье, обрушившееся на нас, изменило мое чувство к ней, я все еще ее любил. Когда мы познакомились, мне казалось, что счастье на ее стороне: она была красива, умна, обеспечена, а главное – она меня не любила, я же был страстно в нее влюблен. Это давало ей неограниченную власть надо мною, а я не имел над ней никакой; это означало, что она может мучить меня годами, может быть жестока ко мне, как бывают жестоки люди, совершенно равнодушные. Это означало также, хоть тогда я еще этого не понимал, что из пая двоих больше заслуживает жалости она. Потому что, как потом выяснилось, она не могла полюбить не только меня, но и никого другого. Она жаждала любви, старалась найти человека, которого могла бы полюбить, искала помощи у психиатров и других врачей. В конце концов, убедившись в бесплодности своих попыток, она вспомнила обо мне, все еще любившем ее, и позволила жениться на ней.

Конечно, из этого не могло получиться ничего хорошего. Иногда мне казалось, что, будь у нас дети – а нам обоим очень этого хотелось, – было бы немного лучше. Но мы оставались одни.

– Я должна найти решение, – сказала она, глядя на доску дальнозоркими глазами.

Двумя пальцами она тронула фигурку – слона с балдахином на спине, в европейских шахматах его заменяла бы тура. По давней тревожной привычке взгляд мой остановился не на ее сильных, с широкими кончиками пальцев, а на ногтях. И второй раз за этот вечер я почувствовал облегчение. Ногти ее не были покрыты лаком, но зато подпилены и чисты. Бывали дни, когда отчаяние доводило ее до полного безразличия ко всему окружающему, и она переставала следить за

собой. Это всегда меня пугало, но вот уже несколько лет такого не случилось. Обычно она одевалась очень неплохо, и, когда шла по набережной мимо баров или по Кингс-роуд, люди видели женщину с упругой походкой, горделивой осанкой и красивым, умело подкрашенным лицом.

– Начни снова и разыграй вариант до конца, – посоветовал я.

– Покажи, как, – попросила Шейла.

Это было очень похоже на нее – попросить меня объяснить ей теорию решения шахматных задач и в то же время не спросить ни слова о моих делах, хотя мы не виделись целых четыре дня. Ее совершенно не интересовали ни Кембридж, ни моя лондонская работа. Еще до нашей женитьбы, с тех пор как она потеряла надежду быть когда-нибудь счастливой, она как-то замкнулась в себе. По правде говоря, в заботах о ней я испортил свою служебную, карьеру.

Когда я женился, мне казалось, что я знаю, как все это обернется. Я буду бережно охранять ее покой – мне Приходилось и прежде видеть приступы шизофрении. Я понимал, что жизненные заботы, незначительные для всех нас, для нее становились подлинным испытанием, что какая-нибудь пустяковая обязанность, вроде званого обеда, могла взвинтить ее до предела. Но меня переполняла страстная любовь к ней, годами сдерживаемая физическая страсть, а может быть, и нечто большее. Поэтому я решился на женитьбу и очень скоро убедился, как в этом убеждались и многие другие до меня, что повседневная жизнь совсем не похожа на ту, которую способно рисовать наше воображение.

Я делал для нее все, что мог. Вряд ли это ей помогало, зато у меня почти не оставалось сил ни на что другое. Когда мы поженились, я только-только стал адвокатом и мне предсказывали неплохое будущее. Но я мог продолжать борьбу за карьеру, только если бы расстался с Шейлой. Поэтому я нашел работу, не требовавшую большой затраты энергии, – стал юрисконсультантом в фирме Поля Лафкина и одновременно числился в штате юридического факультета Кембриджа, где мне и приходилось бывать три-четыре дня в неделю. Когда состояние Шейлы бывало особенно тяжелым и она часами просиживала у патефона, я стремился убежать из дому, хоть это и было малодушием.

Но в тот февральский вечер мы сидели друг против друга за шахматным столиком в ярко освещенной гостиной, и я ни о чем этом не думал. С меня было достаточно того, что она казалась спокойной. Это давало мне нечто вроде морального облегчения – так иногда бывает в самых несчастливых браках, хотя человеку постороннему трудно это понять. Привычка была настолько сильна, что я забывал о неудовлетворенном честолюбии, о минутных разочарованиях, о близкой разлуке – обо всем, что происходило в моей личной жизни с ней; по привычке, я сидел возле нее, смотрел на ее ногти, вглядывался в ее лицо – нет ли тика, похожего на вымученную улыбку, который появлялся неизменно, когда ею овладевало нервное напряжение.

– Я сегодня видела Робинсона, – вдруг сказала она.

– Вот как?

– Мне показалось, что он искал меня.

– Очень может быть, – заметил я.

– Мы выпили; Он был в ударе.

Когда-то одного этого было бы довольно, чтобы возбудить во мне ревность. Теперь нет. Я был рад всему, что могло вызвать в ней интерес или надежду. У нее

иногда бывали вспышки энергии, которые помогали ей забыть: раз или два – шли тридцатые годы – она принимала участие в политической деятельности, но чаще просто растрчивала свою энергию на то, чтобы помогать обиженным судьбой людям, с которыми случайно знакомилась. Как-то раз я узнал, что она одолжила деньги владельцу маленького кафе в переулке – она там бывала без меня. Она была готова явиться по первому зову провинившегося помощника приходского священника, насмерть перепуганного тем, что его будут судить. Она совершенно не интересовалась моими делами, делами своих родственников и старых друзей, но способна была вся уйти в заботы людей едва знакомых. Ради них она забывала себя, с ними в ней пробуждалась надежда, и она вновь становилась той молодой женщиной, которую я когда-то полюбил.

– Он как-то очень непринужденно стал рассказывать, что у него опять есть деньги, – продолжала Шейла.

– Времени он даром не теряет, правда?

– Я подумала, не могу ли я чем-нибудь ему помочь? – сказала она.

– Многие уже пытались, ты же знаешь, – ответил я.

Это была правда. Я только один раз видел Р.-С.Робинсона. Ему было лет шестьдесят, до 1914 года его знали как издателя одного прогрессивного ежемесячника. И с тех пор он оставался при литературе, – писал рассказы, выходившие за подписью других людей, выпускал не приносящие дохода журналы, терял деньги, наживал врагов, вечно вынашивал новые проекты. Совсем недавно ему удалось познакомиться с Шейлой. Его отчаянные попытки завязать это знакомство свидетельствовали красноречивее всяких слов, что он наслышан о ее деньгах.

– Да, многие пытались, – подтвердила она. – Тем хуже для них.

И она одарила меня откровенно насмешливой улыбкой. Она никогда не питала иллюзий насчет своих «несчастненьких».

– Но это для него слабое утешение, не правда ли? – добавила она.

– Однако если у других ничего не вышло, – сказал я, припомнив какие-то слухи, – то тебе тоже не на что надеяться.

– Ты слышал о нем что-нибудь плохое?

– Разумеется.

– Должно быть, – сказала Шейла, – он тоже слышал обо мне кое-что плохое.

Она засмеялась странным дразнящим смехом, он звучал почти вызывающе, – верный признак того, что она действительно на что-то надеялась. Давно уже не слышал я такого смеха.

– А может быть, и о тебе, – добавила она.

Я улыбнулся ей в ответ. Я не мог ее огорчить. Ее хорошее настроение все еще способно было заразить и меня. Однако я сказал:

– Имей в виду, он разорил многих своих доброжелателей. Тут что-то не так.

– Конечно, что-то не так, – согласилась она. – А иначе вряд ли я бы ему понадобилась. – Она снова улынулась. – Ведь именно тем, у кого что-то не так, и нужны друзья. Я думала, теперь даже ты это понял.

Она встала, подошла к камину и, схватившись за доску, слегка выгнулась назад.

– У нас ведь с деньгами неплохо? – спросила она.

На этот раз обычно откровенная Шейла хитрила. Она знала наше материаль-

ное положение не хуже меня. Иначе она не была бы дочерью своего отца. Она готова была швырять деньги на ветер и тем не менее обладала отличной деловой сметкой. Она превосходно знала, какая сумма не будет для нас обременительной. При моих заработках и ее доходе мы имели в год больше двух тысяч и неплохо жили на эти деньги, даже при том, что содержали просторный дом и экономку.

– Да, – кивнул я, – деньги у нас есть.

– Тогда решено.

– Не пришлось бы только тебе разочароваться, – сказал я.

– Я не ожидаю слишком многого.

– Лучше совсем ничего не ожидать, – сказал я.

– Но ведь он человек способный? – воскликнула Шейла; лицо ее смягчилось и стало менее измученным.

– Пожалуй, да, – ответил я.

– Быть может, мне удастся поставить его на ноги, – сказала Шейла и продолжила задумчиво, но с некоторым вызовом: – Это уже было бы кое-что. Раз мне не удалось сделать ничего другого, пусть будет хоть это «кое-что», правда?

2. Два способа делать дело

Если Шейле приходило в голову кому-нибудь помочь, она действовала с такой же быстротой, с какой транжирит деньги мошенник, получивший их обманным путем. Кажется, на той же неделе, возможно, даже на следующий день, Р.-С.Робинсон явился к нам обедать. Я, разумеется, пришел прямо из конторы Лафкина; еще долго потом это совпадение казалось мне иронией судьбы.

Весь этот день я провел в кабинете Лафкина. Он попросил меня прийти пораньше утром и заставил ждать часа два, что, впрочем, случалось нередко. Я ждал его в приемной, устланной таким толстым ковром, что шагов совсем не было слышно; со мной вместе ждал один из его приближенных, человек примерно моих лет, по имени Гилберт Кук, которого я хорошо знал. Он был кем-то вроде личного помощника Лафкина, по должности – референтом по вопросам экспорта, так же как я числился референтом по юридическим вопросам. На деле же Лафкин использовал нас обоих для особых поручений. Фирма Лафкина считалась не очень крупной среди нефтяных компаний, но это понятие было весьма относительным, ибо в 1938 году, на четвертый год пребывания Лафкина на посту ее директора, оборот фирмы составлял уже тридцать миллионов фунтов стерлингов. У него был целый штат юристов, и когда он предложил мне должность юрисконсульта, ему вовсе не нужен был еще один законник; просто ему нравилось подбирать молодых людей, вроде меня и Кука, держать их при себе и время от времени выслушивать их мнение.

– Опаздывает, – указывая на дверь кабинета, заметил Гилберт Кук, словно имел в виду поезд.

Кук был крупный, мускулистый мужчина с румяным лицом кутилы и выразительными карими глазами. Он производил впечатление человека доброго, непосредственного и сразу же располагал к себе. И разговаривал он со мной так, будто мы были гораздо ближе друг другу, чем на самом деле.

– Как сейчас Шейла? – спросил он меня, словно знал всю историю.

– Хорошо, – коротко ответил я, но он не унялся.

– Вы уверены, что ее лечит именно тот врач, который ей нужен? – спросил он.

Я сказал, что она уже некоторое время вообще не ходит к врачам.

– А кто ее лечил прежде?

Он был назойлив, но эта назойливость проистекала только от доброты; с трудом верилось, что он приходил к нам всего два раза. Он нередко водил меня в свой клуб, мы болтали о политике, спорте и работе, но откровенности в наших разговорах не было.

Наконец нас впустили в кабинет Лафкина. В этих апартаментах, когда, проходишь из одной комнаты в другую, воздух теплым дыханием ласкает кожу.

Лафкин, выпрямившись, сидел в своем жестком кресле. Он едва кивнул нам. Он вообще был не слишком внимателен к другим, но держал себя просто и без всякой позы. Он был бесцеремонен в отношениях с людьми, ибо трудно сходился с ними, но, как ни странно, отношения эти доставляли ему удовольствие.

– Вы знакомы с делом? – спросил он.

Да, мы оба ознакомились с ним.

– Как мне поступить?

Вопрос звучал так, будто мы должны были все решить за десять минут. В действительности же на это ушел весь день, и все, что мы говорили, совсем не пригодилось. Лафкин, прямой, костлявый, с худощавым лицом, сидел в своем кресле, не замечая времени. Он был всего на десять лет старше нас с Куком; кожа у него была смуглая, и его враги утверждали, что он похож на еврея, да и имя у него еврейское, хотя на самом деле отец его был диссидентским священником в Восточной Англии.

Дело, которое нам предстояло решить, было не такое уж сложное. Лафкина спросили, не хочет ли он купить еще одно предприятие по сбыту нефти. Как быть? Во время разговора – он длился нескончаемые, прокуренные, насыщенные теплом центрального отопления, скучные часы – выяснились две вещи: во-первых, ни мое мнение, ни мнение Кука в этом вопросе не представляло значительной ценности, во всяком случае не больше, чем мнение любого мало-мальски сообразительного сотрудника фирмы; во-вторых, я был уверен, что, независимо ни от чьих мнений, Лафкин уже решил купить предприятие.

Тем не менее весь этот день Кук вел себя как заправский спорщик. Он спорил и горячился, и это казалось странным – средний служащий не ведет себя так в присутствии магната. Характер спора был резким и в целом объективным, а доводы отличались прозаичностью. Кук был гораздо более красноречив, чем мы с Лафкином. Он говорил и говорил, но ничуть не пытался льстить боссу; слушая его, я лишний раз убедился, что он Лафкину ближе, чем любой другой из служащих фирмы, и задумался – почему бы это.

У большинства из тех, кого нанимал Лафкин, за плечами был хоть какой-то профессиональный опыт; Куку же нечем было похвастать, кроме связей да собственной весьма любопытной и сильной личности.

В середине дня, после того как мы позавтракали сэндвичами и кофе, Кук внезапно переменял тактику. Уставившись на Лафкина, он сказал:

– Боюсь, не выдержите.

– Возможно.

Лафкин, казалось, не прочь был обсудить и эту мысль.

– Я хочу сказать, что наступает время, когда даже такая империя, как ваша, – их глаза встретились, и Лафкин чуть улынулся, – должна уметь ретироваться.

– Ваше мнение, Элиот?

Я сказал, что фирме не хватает людей, что способных работников мало и что, прежде чем покупать что-то новое, надо бы найти еще с десяток сотрудников, способных управлять отделениями фирмы.

– Согласен, – ответил Лафкин.

С полчаса он обсуждал с нами подробности, а затем спросил:

– Успокоились, Кук?

– Вам все кажется просто, но это не так.

– Что кажется просто?

– Откусить больше, чем можно проглотить.

Несмотря на кажущееся равнодушие Лафкина и внешнюю его незаинтересованность, слова эти доставили ему некоторое удовольствие. Но он умел не потакать себе, и мы снова вернулись к цифрам.

Небо за окнами кабинета потемнело, в комнате, казалось, стало еще жарче, а ничего до сих пор не было решено. За весь день ни одной свежей мысли. Никому бы и в голову не пришло (хоть это была истинная правда), что Лафкин – человек, наделенный необыкновенным воображением, что этот бесконечный разговор – его способ подхода к делу и что Гилберт Кук чуть не лопается от гордости: ему посчастливилось участвовать в таком важном деле!

Когда мы наконец расстались, было уже около семи, а ничего так и не было решено. Мы разобрали и разложили по полочкам все, что знали о новом предприятии, кроме покупной цены, о которой Лафкин упомянул только один раз, да и то вскользь. «Для перспективного дела всегда найдутся деньги», – небрежно добавил он и перешел к другим вопросам. И, однако, именно в этой покупной цене была загвоздка всего нашего долгого разговора, о ней я думал и в холодном такси по дороге в Челси, ибо речь шла о кругленькой сумме, не меньше миллиона фунтов стерлингов.

А по приезде домой я столкнулся с совершенно иным способом ведения дела. Р.-С.Робинсон был уже в гостинной; немного грузный, он стоял возле камина; мягкие, отливающие серебром волосы делали почтенным его лицо с младенчески гладкой кожей. Вид у него был довольный и невозмутимый. Его острые глаза, прикрытые стеклами очков, перебегали с Шейлы на меня весело и подозрительно. Он совсем не скрывал, что нуждается в поддержке Шейлы, и надеялся вытянуть из нее сколько сможет, хорошо бы тысячу фунтов.

– Я пришел сюда не для того, чтобы слушать ваши-умные речи, – сказал он ей. Его певучий голос звучал вдохновенно и приятно ласкал слух.

– Мне незачем утаивать истинную цель моего визита, не так ли? – спросил Робинсон. – Предупреждаю вас, меня опасно пускать в дом.

Тысяча фунтов была пределом его мечтаний, он не надеялся получить так много, хотя и не постеснялся назвать эту сумму. Он принялся обхаживать Шейлу, а заодно на всякий случай и меня, со всем искусством, на какое был способен и каким так гордился.

Странно, думал я за рюмкой перед обедом, пятнадцать – шестнадцать лет назад он был частью нашей юности. Это он создал на свой страх и риск небольшой художественный журнал, который в дни «Инглиш Ревью» печатал имажинистов, этих бунтовщиков, порожденных первой мировой войной. Это он опубликовал перевод стихов Леопарди под нелепым заглавием «Одиноко под

луной». И мы с Шейлой прочитали эти стихи как раз перед тем, как встретились, когда мы еще переживали возраст романтической грусти, и нам они показались откровением.

С тех пор он терпел неудачу во всем, за что бы ни брался. Он пробовал добыть у Шейлы деньги на создание новой издательской фирмы, но сам не мог вложить туда и пяти фунтов. И все же мы не могли забыть прошлое, а он не хотел его забыть, и поэтому, когда он стоял между нами на маленьком коврикe перед нашим собственным камином, не Шейла и не я, а он был хозяином положения.

– Я как раз говорил миссис Элиот, что ей надо написать книгу, – сообщил он мне, как только я вошел в гостиную.

Шейла покачала головой.

– Уверен, что вы смогли бы, – сказал он ей и принял за меня: – Только что заметил, сэръ, что у вас руки художника.

Он не терял времени и не гнушался даже грубой лестью, но Шейла, которая обычно страшно смущалась от малейшей похвалы, его слушала спокойно. Он не называл нас по именам, как это делали наши знакомые из Челси, люди нашего возраста, а продолжал прямо в глаза величать меня «сэрoм», а Шейлу – «миссис Элиот», даже в таком, казалось бы, непринужденном разговоре.

Итак, стоя между нами, он источал покровительство; он держался с большим достоинством и присутствием духа, даже величаво, хотя ростом был на несколько сантиметров ниже Шейлы, высокой для женщины, а мне не доставал до плеча. С покатыми плечами, пухлый, он часто приглаживал свою серебряную гриву.

Он явился к нам в смокинге, когда-то элегантно, а теперь вышедшем из моды, в то время как мы с Шейлой даже не переоделись к обеду. И именно Робинсон принял нас утешать.

– Всегда так делайте, – сказал он, когда мы вошли в столовую.

Я спросил, как именно.

– Всегда ставьте людей в невыгодное положение. Когда просят не одеваться, не обращайтесь внимания. Это дает моральное преимущество. Видите, – шепнул он Шейле, сидя по правую руку от нее, – сегодня моральное преимущество у меня.

В столовой он похвалил Шейлу за то, что мы могли разговаривать без помехи, так как еда подавалась в окошечко.

– Поэтому мне незачем притворяться, не так ли? – сказал он и, принявшись за еду, стал рассказывать истории о других обедах из своего легендарного прошлого, когда он пытался добыть деньги для издания книг, книг, напомнил он нам, о которых мы все потом слышали. – Вам, наверное, говорили, что в те дни у меня водились деньги? – Весело и ехидно хмыкнув, он поднял глаза на Шейлу. – Не верьте. Люди все истолковывают превратно. – Опять начались рассказы о многочисленных интригах, о получении обещаний от А по совету Б и В, от Б по совету А и В... – Самое важное то, что приходится играть не по правилам, – объяснил он Шейле. И опять бесконечные рассказы о преодолении трудностей с таким умением и изобретательностью, что мои коллеги, с которыми я беседовал днем, казались дельцами второго сорта.

Слушая его, я все время следил за Шейлой, – так было все годы нашего брака. Она повернулась к нему, и на фоне стены отчетливо вырисовывались резкие